

ОТ «ВРЕМЕННОГО СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОСТРОВЕ САХАЛИН» (1867 г.) К САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМУ ДОГОВОРУ (1875 г.)

Виталий Николаевич ЕЛИЗАРЬЕВ,

кандидат исторических наук, профессор Сахалинского государственного университета

18 марта 1867 г. было подписано «Временное соглашение об острове Сахалин», составленное на основе «Предложений по временному соглашению о совместном проживании» российской стороны. «Временное соглашение» носило прелиминарный характер, а само слово «временное» означало период, который был необходим японскому правительству, чтобы рассмотреть аргументы российской стороны и сообщить о согласии или несогласии с ними¹.

Таким образом, по выражению М. Венюкова, «неразделенность» о-ва Сахалин, записанная в Симодском трактате 1855 г., трансформировалась в «...особую конвенцию 1867 года, создало для Сахалина беспрецедентное в международной истории положение зависимости острова одновременно от двух государств»².

«Временное соглашение...» 1867 г. послужило отправной точкой начала нового витка острейшего соперничества России и Японии в обладании Сахалином, свобода действий была предоставлена обеим сторонам. Решающее значение имела теперь способность той или иной стороны к форсированию условий по созданию господствующего положения на острове.

Вскоре изменилась политика японского правительства: если в прежние годы японцы водворялись на Сахалин из-за рыбной ловли, после соглашения 1867 г. японское правительство стало преследовать «...не экономическую, а уже политическую цель: усиление японского влияния на остров параллельно с русскими»³.

Генерал-губернатор Восточной Сибири М. Корсаков после получения известия о подписании документа поручил в апреле 1867 г. военному губернатору Приморской области И. Фуругельму увеличить численность сахалинского отряда до 300 чел., снабдить его двухгодичным запасом продовольствия и усилить влияние на Анивский залив. Во исполнение приказа в июле 1867 г. в залив Анива доставили роту 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона с двумя орудиями, основавшую в окрестностях залива Буссе военный пост Муравьевский, который «превратился в центр освоения русскими Южного Сахалина»⁴.

Этот самый южный пост на Сахалине, расположенный значительно южнее японских постов, недвусмысленно указывал на распространение русского влияния на весь остров. К тому же он находился на подходах кораблей в Анивский залив, заблаговременно обеспечивая подготовку к возможным непредвиденным ситуациям.

Начальником поста был назначен подпоручик В.К. Шван. В инструкции, полученной от полковника Де Витте, было указано, что Россия **никогда не отказывалась от владения южной частью острова**, и В. Шван в бухте Буссе «...должен был держать роту таким образом, чтобы всегда быть готовым встретить нечаянное нападение со стороны японцев, считавшихся очень вероломными и способными, под видом дружбы и расположения к русским, произвести в ночное время нападение на роту»⁵. Вскоре к В. Швану прибыла представительная японская делегация с протестом против захвата земли, «давно уже занятой японцами». Шван протест отклонил и заявил, что «земля эта принадлежит, по трактату, заключенному с японцами, не одним японцам, но и русским, а так как на берегах

занятой нами бухты нет ни одного японского здания, то русские вправе строиться на этих берегах и вообще пользоваться ими по своему усмотрению»⁶.

В. Швану было поручено ограничить произвол японцев в обращении с айнами, что являлось второй особенностью временного соглашения, до подписания которого японцы безраздельно господствовали над аборигенами. Однако этот вопрос был далеко не прост. Еще в 1860 г. Брылкин писал: «...Деспотизм господствующей нации, в какой бы форме он ни проявлялся, всегда имеет вредное влияние на нравственность покоренного племени. Обыкновенные следствия подобных отношений между двумя племенами суть: раболепие, двуличие, ложь, ябедничество, наущничество, искательства, не всегда чистые, благосклонности сильных, — все это уже привилось к южным айнам»⁷.

Японцы, используя особенности соглашения 1867 г., предложили завести учет айнов по специальным книгам. Однако, несмотря на предложенный обмен книгами учета айнов как намерение разделить айнский народ между Японией и Россией в решении хозяйственных нужд, японцы рассчитывали, что они выдержат конкуренцию с русскими. По их мнению, решающим фактором должна стать благодарность айнов японцам за заботу о детях, престарелых и больных в рамках проводившейся социально-экономической политики после заключения Симодского трактата. Айны по своему желанию нанимались на работу к японцам, которые в свою очередь не препятствовали им в меновой торговле с русскими и гиляками⁸.

Японская делегация, вернувшись в июне 1867 г. из Петербурга, доложила правительству итоги переговоров и высказала рекомендации «...не ограничивать число желающих всех групп населения переселяться на Сахалин»⁹. Эта активизация колонизации острова указывала на стремление Японии противодействовать военному давлению российской политики. Одновременно японская сторона планировала расширить масштабы рыбного промысла, подталкивая своих рыбопромышленников к конкурентной борьбе за занятие выгодных промысловых участков. В этих целях бакуфу в конце ноября 1867 г. разослало «всем северо-восточным княжествам циркуляр о стимулировании рыбного промысла на Сахалине»¹⁰. С 1867 г. уполномоченным от японского правительства на Сахалине стал Окамото Кансукэ, который осуществлял географические исследования и напрямую отвечал за доставку на остров японских колонистов.

Главной особенностью положения на Сахалине после 1867 г. стало совместное проживание русских и японцев, которое в отличие от аналогичной ситуации в 1853—1854 гг. регулировалось межправительственным соглашением. Наметились свобода общения японцев с русскими, разрешалась покупка товаров за деньги. Вместе с этим ситуация 1867 г. требовала от России и Японии создания принципиально новых условий: в короткие сроки создать не только численное, но и морально-психологическое превосходство, добиться перелома в отношениях двух сторон, чтобы одна из них оставила остров в пользу другой.

В ноябре 1867 г. начальник сахалинского отряда Де Витте направил в штаб войск Приморской области записку «О необходимости увеличения числа военных постов или селений в южной части Сахалина». Речь шла о создании, немногочисленных, но вполне контролирующих ситуацию военных постов.

Осенью 1867 — весной 1868 г. внутривластная борьба в Японии закончилась восстановлением власти императора, которая старалась пересмотреть итоги переговоров по Сахалину.

В 1868 г. произошла смена руководства и сахалинского отряда: на смену начальнику Де Витте пришел Депреядович. Теперь от энергичных действий японского и русского руководителей сахалинских поселений зависела реализация правительственных указаний по закреплению позиций обеих стран на Сахалине.

Назначенный в качестве главного администратора Сахалина Окамото во главе отряда из 80 подчиненных и 200 переселенцев в конце октября 1868 г. прибыл в Кусункотан. Переселенцев Окамото собрал в Хакодате, пообещав им по прибытии на место помощь в обустройстве. В основном это были бедняки без средств к существованию¹¹.

Дж. Вилл, капитан английского судна, зафрахтованного японским правительством для перевозки переселенцев на Сахалин, отмечал, что переселенцы «были жалки и скорее напоминали каторжан... люди были размещены в болотистом овраге в ветхих лачугах из досок и соломенных матов. Зловония и вонь от сгнившей сельди явились причиной малярии. Пока мы стояли в бухте, за три недели треть прибывших переселенцев заболела и поумирала»¹².

Окамото первоочередной задачей считал срочное расширение масштабов японского присутствия на Южном Сахалине. Прибыв на Сахалин, он объявил о восстановлении власти императора и направил в селения Южного Сахалина ее представителей. При этом новая японская власть начала проводить линию непризнания заключенного бакуфу «Временного соглашения по Сахалину». На это заявление начальник сахалинского отряда Депредарович ответил, что даже при смене власти договоры должны сохранять свою силу, как «...японцам необходима южная часть Сахалина, настолько может быть и наше Императорское правительство считает обладание ею полезным для России»¹³.

Теперь на сделанный японцами в 1868 г. шаг по колонизации Южного Сахалина нужно было предпринять аналогичные меры: решить вопрос усиления русского присутствия на острове, создать численное преимущество, показать инициативу в хозяйственной деятельности и при обустройстве новых мест. Прежде всего в целях недопущения возможных силовых провокаций требовалось новое увеличение воинского контингента, поскольку масштабы противостояния поневоле ухудшали русско-японские отношения.

В 1868 г. Россия предприняла новую попытку склонить японское правительство отказаться от претензий на Сахалин. Переговоры со стороны России провел военный губернатор Приморской области А.Е. Кроун. Японский сёгун склонился к отказу от Сахалина, но при условии оказания помощи со стороны России в борьбе против южных князей Японии, которые вели военные действия. Однако русское правительство отказалось от этого варианта развития событий¹⁴.

Чтобы сдержать проникновение России на Сахалин, новое правительство Мэйдзи в 1868 г. назначило заместителем министра по делам освоения новых районов Курода Киетака и направило его на остров. 1 августа Курода Киетака на зафрахтованном английском судне прибыл в Кусункотан в составе 50 военных чиновников, а также большой группы поселенцев. В 1868 г. на Сахалин из Японии выехали 200 чел., в 1869—300 и в 1871 г. — более 200 чел. Им выдали теплую одежду, крестьянам — землю, сельхозинвентарь и семена. Заявивших готовность остаться на острове пожизненно освобождали от налогов, приезжавших на заработки освобождали от налогов на три года¹⁵.

В инспекционной поездке по Сахалину Курода выдал распоряжение не только занять наиболее удобные места для поселения, но и устанавливать столбы и знаки с надписями о принадлежности этих мест Японии. Основное внимание было обращено на заселение Сусунайской долины, наиболее удобной для развития земледелия и скотоводства. Японцы активно взялись за обустройство селений и новых рыболовных участков, изучали вопрос о плановой миграции на Сахалин «...плотников и личностей, бесполезных в Японии, таких как капитулированные войска сёгуната, нищие, никчемные хулиганы и священники»¹⁶.

Русский консул в Хакодате Е. К. Бюцов опасался возможности военного укрепления Японии на Сахалине. Ситуацию на острове между русскими и японцами контролировали англичане. Бюцов писал 14 августа 1868 г. П. Стремоухову, что «...об отправке на Сахалин войск ничего не слышать...», а «генерал-губернатор заходил в Кусунай, новый отряд к тому времени был уже высажен туда. Англичане решительно хотят зорко следить за нашими действиями; они отправили корвет, который должен обойти все наши гавани, недаром взяли они с собою переводчика японского языка при английском консульстве»¹⁷.

Активизация японцев на юге Сахалина заставила ускорить принятие ответных мер. Генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков 16 октября 1868 г. представил канцлеру А. М. Горчакову записку, касающуюся сахалинского вопроса. Начался кульминационный период соперничества России и Японии за Сахалин.

29 ноября 1868 г. генерал-губернатор приказал увеличить количество военных на Сахалине¹⁸, а 26 января 1869 г. Депрерадович получил приказ об учреждении новых постов. В предписании указывалось «...устроить еще два новых поста: в заливе Анива близ селения Кусункотан, в местности, называемой Аккатувари, и в бухте Такмака, близ селения Мауке», а также «обратить особое внимание на разработку огородов»¹⁹.

В феврале 1869 г. была получена секретная инструкция. Внимание Депрерадовича обращалось на «...необходимость не пропускать ни одного случая нарушения японцами наших прав без немедленного требования удовлетворения. Излишняя уступчивость японским властям, даже в мелочах, увеличивает их наглость и поведет к неумеренным требованиям, тогда как заявление с первого же шага, что мы знаем свои права и не намерены допускать нарушение их, вероятно, будет иметь то же действие на японцев, как и на других людей, т. е. уважение этих прав; но я прошу Вас ни в коем случае... не допускать до серьезных столкновений и кровавых развязок; как ни счастливо окончились бы для нас подобные столкновения, они в настоящее время не могут быть выгодны для России»²⁰.

13 июля 1869 г. в бухту Буссе, где находился Муравьевский пост, на транспорте «Манджур» прибыли две роты солдат, а еще через три дня на корвете прибыл губернатор Приморской области И. В. Фуругельм. По его распоряжению Депрерадович отправился в японский Кусункотан и учредил рядом пост Корсаковский.

Создание в 1869 г. поста Корсаковский позволило не только контролировать положение в стратегически важном районе пролива Лаперуза; он служил главным портом, через который шло заселение южной части острова россиянами, началось освоение его необжитых территорий.

Окамото воспринял высадку русских в соседней с Кусункотаном бухте как акт неприкрытой агрессии со стороны России против издавна принадлежащих Японии земель и отправился в столицу, чтобы убедить правительство в необходимости направить на остров войска. В то время в Хакодате только что закончились сражения между правительственными войсками и отрядами войск экссёгуна, возглавлявшимися Эномото Такэаки; сотрудники префектуры во время боевых действий спасались бегством в Аомори.

Ко времени прибытия Окамото в Хакодате префектура была расформирована, и все сотрудники, в том числе и сам Окамото, оказались уволенными. Столица Японии была перенесена в Токио. Когда Окамото прибыл в столицу, вместо префектуры Хакодате было учреждено колонизационное бюро, а сам Окамото назначен чиновником этого бюро²¹. С установлением новой власти Япония активизировала экспансию на Сахалин²², учредив бюро по исследова-

нию Иезо (Хоккайдо), а затем и бюро по исследованию Сахалина; вице-директором обоих бюро был назначен Киотака Курода²³.

9 августа 1969 г. русские основали Тихменевский пост в заливе Терпения, которым стал командовать прапорщик А.П. Шишмарев с 24 солдатами²⁴. В тот же день в Токио состоялось совещание ведущих политиков правительства Мэйдзи, на котором обсуждалась японская политика в отношении России. В совещании принял участие английский посланник Паркс²⁵, который заявил, что «на Сахалине уже слишком поздно предпринимать какие-либо меры», так как Россия сосредоточила там войска в количестве более 1200 чел., поэтому для Японии самой важной задачей является укрепление обороны Хоккайдо. В ходе беседы японская сторона предложила направить на Сахалин в ближайшее время не менее полутора тысяч переселенцев, на что Паркс заявил: это означает не что иное, как «поднести огонь к бочке с порохом»²⁶.

Англичане для сбора информации направили в сентябре 1869 г. в залив Анива военный корабль «Корморант», на борту которого находился секретарь английского представительства Джон О'Дрисколль. Он нанес визит главному японскому начальнику, по словам которого, русских на острове уже было не менее 3 тыс., в то время как японцев не более 300 чел.; в ближайшем будущем неминуема катастрофа — полная аннексия Сахалина русскими.

На факт нарастания русского преимущества указывал и Г.Ленсен: «...русские владеют 3/4 острова, а на остальной четверти их поселения гораздо крупнее и значительнее, чем примитивные деревушки, занимаемые японцами»²⁷.

В Муравьевском посту англичанин беседовал с Депрерадовичем, который «...с энтузиазмом принялся обсуждать вопрос занятия Сахалина», подчеркивая, что японцы не смогли освоить богатейшие ресурсы острова и занятие его русскими будет выгодно для всех. Депрерадович заявил, что его действия не выходят за рамки «Временного соглашения»: граница между Японией и Россией, по его мнению, должна проходить по проливу Лаперуза; раздел острова между двумя странами или совместное владение невозможно; климат Сахалина слишком суров для японцев и послужил причиной смерти 16 чел. в селении Чиписани.

Секретарь английского представительства убедился в неспособности японцев организовать действенное сопротивление русским; по мнению англичан, Россия установила практически полный контроль над Сахалином.

Американцы при заходе в Кусункотан распространяли слухи о предстоящей войне России с Японией. Депрерадович просил начальника японских поселений на Сахалине сообщить «...Правительству в Эдо о несостоятельности подобных слухов. За этим прошу верить, что я, со своей стороны, буду нерушимо держаться статей существующего между нами трактата»²⁸.

В 1869 г. Россия приступила к реальному заселению Сахалина каторжанами, с которыми на остров прибыли и русские вольнопоселенцы. Однако первый опыт заселения острова вольными переселенцами оказался неудачным — не хватало возможностей по обеспечению их товарами первой необходимости. Они не стали селиться рядом с военными постами и ссыльнокаторжными, а с согласия сахалинского военного начальства направились на поиски пригодных для обустройства земель.

Непривычные климатические условия, вызванные тайфунами и наводнениями, гибель урожая, оторванность от военных постов, игравших роль рынка сбыта для крестьян, и ряд других факторов привели к переселению такойских крестьян в Чиписани и другие места. В 1885 г. 40 семей вернулись в Южно-Уссурийский край. На Южном Сахалине основными «переселенцами» стали

каторжные, которые расселялись «на главнейших постах наших, начиная с Кусуна и далее к югу»²⁹.

Конкуренция на Южном Сахалине достигла точки кипения к 70-м гг. XIX в. Многим в Японии становилось очевидным, что в борьбе с Россией за Сахалин практически нет шансов. Однако в условиях националистического подъема после восстановления власти императора было немало и тех, кто подталкивал к более решительным действиям на Сахалине — предлагал изгнать русских с помощью военной силы. Но предложения Куроды и ряда других правительственных чиновников сводились к тому, что выступать «...против России можно лишь тогда, когда Япония будет всесторонне подготовлена к войне с ней»³⁰.

30 октября 1869 г. командированный на Сахалин полковник Де Витте докладывал, что «прибытие новых поселенцев или рабочей силы, вроде ссыльнокаторжных, в южную часть Сахалина крайне производительно... вновь прибывший русский элемент заметно усиливает наше влияние на господство японцев (подчеркнуто мною. — В.Е.), а посредством производительного труда принесет пользу местности и известную выгоду правительству»³¹. Размещение каторжан на юге острова неподалеку от японцев резко обострило ситуацию.

Большая часть направленных Японией в 1869—1871 гг. на Сахалин более 700 переселенцев осела в окрестностях Кусункотана по побережью залива Анива, но из-за непривычных для японцев климатических условий освоение новых земель происходило медленно. Не помогли поощрительные меры, лишь небольшое количество колонистов смогло встать на ноги, многие, ссылаясь на болезни, покидали остров или не возвращались из временных поездок в Японию.

В феврале 1870 г. было образовано «Сахалинское колонизационное бюро», в котором Курода занял пост заместителя начальника, ответственного за Сахалин. Когда Курода в сентябре 1870 г. побывал на острове, он обратил внимание на крайнюю степень отчужденности между русскими и японцами³². В 1870 г. на остров прибыли еще 250, а в 1871 г. — 165 чел.³³ каторжных; часть из них должна была быть отправлена на Южный Сахалин для устройства постов и прокладки дорог, а часть — для добычи угля в местах, указанных горным инженером Лопатиным³⁴.

В начале 1870 г. прошли активные консультации японских дипломатов с американскими уполномоченными. Японцы жаловались на трудности с Сахалином и непредсказуемость действий русских. Американцы попросили предоставить им документы по переговорам с русскими, чтобы добиться посредничества президента Гранта. Японские условия заключались в том, что часть о-ва Сахалин севернее 50-й параллели принадлежит России, а южнее — Японии.

По мнению А. Трехсвятского, в литературе советского периода рассматривалась точка зрения, согласно которой Англия, Франция и США в рамках своей антирусской политики оказывали давление на правительство Мэйдзи, чтобы не допустить закрепления России на юге Сахалина и использовать его для своих военно-стратегических целей и экономической эксплуатации природных богатств. Японские исследователи, по его мнению, считали, что, наоборот, дипломатические представители европейских стран и США подталкивали японское правительство к отказу от Сахалина, так как опасались, что в результате вооруженного столкновения Японии с Россией последняя еще дальше продвинется на юг³⁵.

Вполне очевидно, что обе эти точки зрения до конца не раскрывают сути дела: Россия четко проводила свою твердую политику, направленную на присоединение Сахалина. У нее были опасения по излишней активности других держав вокруг «сахалинского вопроса», особенно Англии. Несомненно, что за-

нятие Сахалина в целом, присоединение его к русской империи являлось конечной целью правительства России. Но, чтобы развить в случае вооруженного конфликта с Японией потенциальный успех для занятия Хоккайдо, у России не было достаточных возможностей. Все сахалинские военные посты и селения не располагали ни вооружением, ни людскими резервами, чтобы планировать продвижение за пределы острова на юг. Самым крупным являлся пост Муравьевский, где был расквартирован штаб 4-го Восточно-Сибирского линейного батальона (впоследствии его перенесли в пост Корсаковский), и Дуэ, где проживало около 1000 чел. солдат, офицеров, чиновников, ссыльных и их семей³⁶.

Доступные архивные документы показывают, что других вариантов решения «сахалинского вопроса» не рассматривалось. В мае 1871 г. губернатору Хакодате сообщили, что Россия ищет «...только установления прочного естественного рубежа, исключаящего возможность пограничных недоразумений, а таковым только и может быть Лаперузов пролив»³⁷.

МИД России уполномочило военного губернатора А.Е. Кроуна и Е.К. Бюцова, назначенного русским поверенным в делах в Китае, продолжить переговоры по Сахалину. Для них были подготовлены инструкции³⁸. Бюцову предписывалось убедить японский МИД отправить своих уполномоченных в Николаевск или Владивосток для окончательного разрешения вопроса о Сахалине на основе установления границы по проливу Лаперуза, обмену Сахалина на Уруп с прилегающими островами и сохранения прав японцев на рыболовные промыслы³⁹.

Встреча Е. Бюцова с государственным советником Японии Соэдзима Танэоми состоялась в декабре 1870 г., который заявил, что японское правительство надеется на возможность прямых переговоров с Россией. Бюцов, со своей стороны, ответил, что Япония должна вести переговоры о границе на Сахалине не с Америкой, а с Россией, с которой заключила соответствующее соглашение, для чего предпочтительнее направить своего представителя для переговоров в Николаевск. На следующий же день Де Лонг был проинформирован о переговорах с Бюцовым, а затем японская сторона отозвала свою просьбу об американском посредничестве⁴⁰.

Позиция русских стала решающим фактором в осознании Японией провала своих планов колонизации Эдзо и Южного Сахалина. Она стала зондировать почву относительно соглашения с Россией по вопросу о государственной границе⁴¹ и приостановила колонизацию острова⁴².

В конце декабря 1870 г. МИД Японии проинформировало Горчакова о намерении отправить делегацию для переговоров⁴³. Российскому консулу в Хакодате А.Е. Оларовскому из МИД Японии 16 января 1871 г. поступило письмо, в котором сообщалось о желании японской стороны направить в апреле—мае 1871 г. своих полномочных представителей во Владивосток⁴⁴.

Япония прозондировала почву на предмет согласия России о покупке Южного Сахалина⁴⁵. Правительство России отказалось выкупать Южный Сахалин. Глава миссии Японии во Владивостоке Соэдзима Танэоми имел правительственную инструкцию, в которой указывалось, что разграничение на о-ве Сахалин является срочной задачей, иначе существует опасность потерять сложившиеся между Японией и Россией отношения доверительности и дружбы⁴⁶. В правительственной инструкции было три варианта обсуждения сахалинского вопроса: 1) покупка всего острова Японией; 2) раздел острова; 3) отдать России остров, но получать с него прибыль от торговли⁴⁷.

Впервые в позиции Японии появился вариант отказа от прав на Сахалин. Однако встреча не состоялась. Особое совещание по делам Приамурского края решило отложить переговоры по Сахалину до приезда Бюцова в Японию,

который в 1872 г. был назначен на пост постоянного поверенного в делах и генеральным консулом в Японии⁴⁸.

В инструкции МИД Бюцову отмечалась важность утверждения прав на Сахалин, твердо придерживаться отказа от раздела острова между двумя государствами. Ему поручалось вести переговоры на основе предложений 1867 г., и лишь в крайнем случае пойти на уступку Курильских островов до 4-го пролива⁴⁹, т.е. Россия предлагала оставить за собой только Шумшу и Парамушир с прилегающими безлюдными островами.

Н. Муравьев-Амурский писал Е. Бюцову 24 января 1872 г. из Парижа: «...радует, что Вам предоставлено право торговаться с японцами за Курильские острова, но необходимо также упомянуть в инструкции, что Вам предоставляется оставить японцам пользование рыбными ловлями в Аниве на правах частного лица или компании хоть на 99 лет, ибо главнейший материальный их интерес на Сахалин в этих ловлях, а нам они вовсе не нужны, а ныне нужно только обладание Лаперузовым проливом»⁵⁰.

11 июля 1872 г. Бюцов вручил свои верительные грамоты императору Мучухито, в ходе начатых переговоров вновь возникли противоречия. Японское правительство заявило, что уступка России Южного Сахалина будет истолкована японским народом и иностранными державами как признание бессилия Японии и Уруп с прилегающими островами будет недостаточной компенсацией. Одновременно Япония заявила готовность купить Сахалин и выделить необходимые финансовые средства на эвакуацию русских. Но заявление о покупке было голословным — как повод ввязаться в торговлю за право обладания Сахалином. Однако полномочия Бюцова не выходили за рамки «Временного соглашения».

Переговоры носили тяжелый, затяжной характер. Япония не хотела и не могла признать тактического поражения в борьбе за Сахалин, вызванного в основном нестабильностью своего политического и экономического положения.

Н. Муравьев подбадривал Е. Бюцова: «...дай бог, чтобы Вам удалось покончить сахалинское дело прежде, чем европейцы узнают, в чем дело»⁵¹.

Е. Бюцов в начале 1873 г. сообщил японской стороне о полученной из Петербурга инструкции, указывавшей на неприемлемость предложенного Соэдзимой варианта о покупке или продаже Сахалина, так как остров нужен России для ссылки каторжников⁵². Э. Файнберг и Л. Кутаков отмечали, что в ходе переговоров именно японская сторона, а не российская, в качестве аргумента о необходимости владения островом приводила использование острова как ссылки⁵³, к тому же, по мнению японской стороны, «...Курильские острова слишком малы для колонизации»⁵⁴.

Переговоры прервались в связи с визитом Соэдзима в Китай, пожаром на японской рыбалке в районе Корсаковского поста Хаккотомари, а осенью 1873 года были приостановлены. Накопившиеся многочисленные инциденты между русскими и японцами с 1867 по 1874 г., (убийства японцев⁵⁵, побеги каторжан и др.) в немалой степени способствовали тому, что к концу 1873 г. судьба Сахалина была окончательно предрешена. Японии осталось выбрать для себя приемлемый вариант уступки Южного Сахалина. Е. Бюцову было заявлено, что японское правительство откажется от своих претензий на Южный Сахалин, если Россия пообещает не вмешиваться в отношения между Японией и Кореей и разрешит высадку десанта на русской территории, чтобы облегчить японское вторжение на Корейский полуостров⁵⁶. Однако МИД России отказалось предоставить русскую территорию в качестве плацдарма нападения на Корею⁵⁷.

В инструкции МИД России от 29 января 1874 г. новому поверенному в делах в Японии К.В. Струве указывалось, что разграничение Сахалина не сможет предотвратить конфликты с японцами: «Поэтому единственный исход дела, который Вы постоянно должны иметь в виду, — уступка нам всего острова, географическое положение которого делает обладание им вопросом перво-степенной важности для будущего развития нашего Восточного Сибирского побережья»⁵⁸.

В марте 1874 г. Колонизационное бюро Японии гарантировало своим гражданам, пожелавшим переселиться на Хоккайдо, оплату проезда и подъемные. К осени 1874 г. с о-ва Сахалин выехали 456 чел., или примерно 90% жителей, были ликвидированы правительственные рыбалки и местные административные органы, а Сахалин превратился просто в рыболовный район⁵⁹.

В японской прессе в 1874 г. появились сообщения об отказе Японии от Сахалина по причине невозможности проживания там японских поселенцев, отправленных на остров блет тому назад, без правительственной помощи; Сахалин не нужен Японии из-за сурового климата и других неудобств. Газеты признавали неудачу попыток заселения и отмечали, что Сахалин является «русским владением», и даже «...иностранцы того мнения, что он принадлежит России»⁶⁰.

В феврале 1874 г. Токио назначило своим чрезвычайным и полномочным посланником в России Эномото Такэаки, в инструкции которому впервые было указано, что японское правительство готово отказаться от Сахалина. Но Япония отстаивала факт японского многолетнего владения почти половиной острова, потому Россия должна передать ей Курильские острова севернее Урупа и обеспечить режим максимального благоприятствования на рыбных промыслах⁶¹.

25 апреля (7 мая) в Петербурге посланником Эномото и министром иностранных дел А.М. Горчаковым был подписан договор об обмене Сахалина на Северные Курильские острова, а 22 августа в Токио состоялся обмен ратификационными грамотами.

¹ Трехсвятский А.В. Сахалин в системе русско-японских отношений в XIX столетии: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2003. С. 228.

² Венюков М. Россия и Восток: Собрание географических и политических статей. СПб., 1877. С. 133.

³ Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., 1873. С. 57.

⁴ Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения (1797—1875). М., 1955: дис. ... д-ра ист. наук. С. 217.

⁵ Шван В.К. Занятие Южного Сахалина // Тюремный вестн. СПб., 1894. № 8. С. 394.

⁶ Там же. С. 396—397.

⁷ Брылкин А.Д. Письма с Сахалина // Зап.-Сиб. отд.-ния Имп. рус. геогр. о-ва. Иркутск, 1864. Кн. 7. С. 35.

⁸ Акидзуки Т. Японо-русские отношения и остров Сахалин / пер. А. Трехсвятского // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2002. № 2. С. 61.

⁹ Синтаро Накамура. Японцы и русские: из истории контактов. М.: Прогресс, 1983. С. 221.

¹⁰ Акидзуки Т. Японо-русские отношения // Там же. С. 61.

¹¹ Там же. № 3. С. 4.

¹² Will John. Trading under sail off Japan, 1860—1899. Ed. By J. Lensen. Tokyo: Sophia University Press, 1968. P. 61.

¹³ Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. Фонд «Мэйдзи сэнэн Карафутто канкэй ро-сиаго мондзё» (Документы на русском языке по Сахалину первых лет Мэйдзи). Док. 4595—002.

¹⁴ Алексеев А.И. Курилы: русско-японский рубеж. Южно-Сахалинск, 1991. С. 28.

¹⁵ Трехсвятский А.В. Сахалин в системе... С. 253.

¹⁶ Lensen G. Russian Push toward Japan. Russian-Japanese Relation. 1697—1875. Princeton, 1959. P. 437.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 862, оп. 1, д. 166, л. 5—6.

¹⁸ Костанов А.И. Освоение Сахалина русскими людьми. Южно-Сахалинск, 1991. С. 38.

- 19 РГИА ДВ. Ф. 1154, оп. 1, д. 2, л. 43.
- 20 Там же. Л. 86.
- 21 Цит по: Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 7.
- 22 Очерки новой истории Японии. 1640—1917. М., 1958. С. 223.
- 23 Нагао Арига. Дипломатия // Японцы о Японии: Сб. первоклассных статей японских авторитетов / под ред. А. Стэда. СПб. Б/г. С. 141.
- 24 РГА ВМФ. Ф. 870, оп. 1, д. 9552, л. 97.
- 25 Гарри Паркс находился в Японии с 1865 по 1883 гг. и пользовался большой популярностью среди английских торговцев и специалистов, работавших в Японии по приглашению правительства Мэйдзи.
- 26 Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 8.
- 27 Lensen G. Russian Push toward Japan... P. 428.
- 28 Северный архив библиотеки университета Хоккайдо. (Док. 4596—001).
- 29 РГИА ДВ. Ф. 1154, оп. 1, д. 4, л. 119 об.
- 30 Там же. Л. 268.
- 31 ГАИО. Ф. 24, оп. 2, д. 21, л. 1—2.; Базалийская О.Т. Из истории сахалинской каторги // Читая «Остров Сахалин»: докл. и сообщ. участников ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию путешествия А.П. Чехова на остров Сахалин. 18—19 мая 1990 года. Южно-Сахалинск, 1990. Ч. 2. С. 23.
- 32 Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 12.
- 33 Панов А.А. Сахалин как колония: очерки колонизации и современного положения Сахалина. М., 1905. С. 65; Костанов А.И. Освоение Сахалина... С. 94.
- 34 Панов А.А. Сахалин как колония... С. 56.
- 35 Трехсвятский А.В. Сахалин в системе... С. 247.
- 36 Костанов А.И. Освоение Сахалина... С. 41.
- 37 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 272.
- 38 АВПРИ. Ф. 161, оп. 15, д. 11.
- 39 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 266.
- 40 Трехсвятский А.В. Сахалин в системе... С. 249—250.; Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 14.
- 41 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения (1797—1875): автореф. дис. ...д-ра ист. наук. М., 1955. С. 28.
- 42 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 270.
- 43 Там же. С. 271.
- 44 Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 14—15.
- 45 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 271—272.
- 46 Трехсвятский А.В. Сахалин в системе... С. 250.
- 47 Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 34.
- 48 АВПРИ. Ф. 161, оп. 15, д. 3.
- 49 Там же. Д. 1, л. 59.; СЦДНИ. Ф. П-4704, оп. 1, д. 47, л. 56.
- 50 ГАРФ. Ф. 862, оп. 1, д. 111, л. 1 об.
- 51 Там же. Л. 2а—2б.
- 52 Трехсвятский А.В. Сахалин в системе... С. 252.
- 53 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 276.; Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., 1988. С. 177.
- 54 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 276.
- 55 АВПРИ. Ф. 161, оп. 60, д. 3.
- 56 См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895 гг. М., 1956. С. 257; Бедняк И.Я., Гальперин А.Л. и др. Очерки новой истории Японии. 1640—1917. М., 1958. С. 224.
- 57 См.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика... С. 258.
- 58 Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения... С. 280.
- 59 Акидзуки Т. Японо-русские отношения... № 3. С. 33.
- 60 Цит. по кн.: Нарочницкий А.Л. Колониальная политика... С. 266.
- 61 Там же. С. 38.

SUMMARY: On 18 March of 1867 there was signed Provisional Agreement on Sakhalin Island. It was of preliminary character, and the word “provisional” meant the period that was necessary for the Japanese government in order to consider arguments of the Russian side. The article by Candidate of Historical Sciences Vitaliy Elizariyev “From Provisional Agreement on Sakhalin Island” in 1867 to St. Petersburg Treaty of 1875” reveals the history of this problem.